

ALEKSANDER KIKLEWICZ

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6140-6368>

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

ANNA PAVLOVA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4843-5778>

Johannes Gutenberg-Universität Mainz

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЭНАНТИОСЕМия В ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

SYNTACTIC ENANTIOSEMY IN A PRAGMATIC PERSPECTIVE

The article is devoted to the phenomenon of syntactic enantiosemy, which consists in the opposition between the primary and secondary (derivative) meanings of an utterance. The authors note that the degree of antonymy of meanings can be greater or lesser, and from a pragmatic point of view, enantiosemic utterances function as indirect speech acts: their speech pragmatic function does not correspond to their grammatical structure and lexical composition. The authors pay special attention to the description of pragmatic modifications of enantiosemic utterances, the primary illocutionary function has an assertive, interrogative or directive character. The conclusions note that syntactic enantiosemy is ambivalent from the point of view of the norms of communicative culture: on the one hand, most of such utterances implement a negative assessment, i.e. reflects the aversive communicative attitude of the speaker, on the other hand, it is realized in an indirect form, which indicates an attitude toward compromise. On the one hand, most enantiosemic statements indicate a negative emotion, i.e. irritation; on the other hand, the indirect form of the statement indicates a language game. Keywords: enantiosemy, syntactic enantiosemy, antonymy, pragmatics, indirect speech act, phrase scheme

ВВЕДЕНИЕ

Предметом данной статьи является синтаксическая энантиосемия, т.е. противоречие между первичным (дословным) и вторичным значением высказывания. Энантиосемия хорошо изучена на лексическом материале (см. Авдеева, Ярославцева, Гараева 2019; Генералов 2019; Ильин 1997; Куликова 2022; Федулова 2022; Цивьян 2015; Черникова, Ратчин, Кузьмина 2024; Вупčić 2004 и др.). Интернет-ресурс elibrary.ru на данное ключевое слово высвечивает 2023 публикации¹. Энантиосемия обычно

¹ Данные на 15 октября 2024.

трактуются как своего рода «внутрисловная антонимия», например: *просмотреть*₁ ‘осмотреть, ознакомиться’, *просмотреть*₂ ‘не заметить, пропустить’. Лев А. Новиков (2001: 643) пишет об энантиосемии как о «непродуктивной разновидности антонимии внутри одного и того же слова», хотя другого мнения придерживаются исследователи, которые насчитывают в русском языке до 400 энантиосемичных лексем (Литвинова 2012: 87).

Противоречивый, взаимоисключающий характер могут иметь также значения одного и того же высказывания. В этом случае мы имеем дело с синтаксической энантиосемией. Например, аффирмативное высказывание:

(1) Так я тебе и поверил!

употребляется в речи как ассертивный речевой акт с отрицательным содержанием:

(2) = Я тебе не верю. | Я не верю тому, что ты говоришь.

Олеся П. Колесникова (2020: 173) пишет, что исследования в области синтаксической энантиосемии находятся в начальной стадии, хотя следует отметить, что об этом явлении в середине прошлого столетия писал Дмитрий Н. Шмелев (1958: 75). Публикации в этой области (которые мы подробнее рассмотрим в следующем разделе) касаются нескольких аспектов синтаксической энантиосемии: грамматической и лексико-семантической структуры контroversных высказываний, степени их грамматикализации, социальных сфер употребления, стилистических характеристик и коммуникативных функций. Многие из этих характеристик учитываются в словаре немецких и русских фразеосхем, подготовленном к публикации немецкими славистами (см. Pavlova 2024). Под фразеосхемой понимается идиоматическая синтаксическая схема, состоящая из одного или нескольких фиксированных и одного или нескольких свободно заполняемых в речи элементов (слотов), например: *X что надо* (*Погода что надо*; *Костюм что надо*) или *X как X* (*Дом как дом*; *Море как море*)².

Целью данной статьи является рассмотрение синтаксической энантиосемии в прагматическом аспекте. Первая пробле-

² О понятии фразеосхемы см.: Баранов, Добровольский 2023: 130 и сл.

ма касается прагматических импликаций, которые возникают вследствие того, что говорящий формально нарушает одно из правил категории качества (в рамках принципа кооперации): «Не говори того, что ты считаешь ложным» (Грайс 1985: 222). Вторая проблема связана с тем, что модификация семантического содержания высказывания, как правило, вызывает изменение его прагматической (иллокутивной) функции; тем самым одной из актуальных задач изучения синтаксической энантиосемии является описание первичных и вторичных прагматических функций.

Для анализа был привлечен материал русского языка, а именно фразы формульного типа (или фразы-клише), а также высказывания, образованные на основе фразеосхем. Эмпирический материал для исследования был почерпнут из разговорных и художественных текстов, в том числе доступных в интернете. Одним из таких источников был подготовленный к публикации немецкими славистами *Репозиторий конструкций* (см. Korina, Pavlova 2024; Pavlova 2024), имеющийся в распоряжении одного из соавторов.

1. О СТАТУСЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ЭНАНТИОСЕМИИ

Для описания синтаксической энантиосемии удобно воспользоваться терминами Джона Серля (1990: 314) *значение предложения* и *значение говорящего*: синтаксическую энантиосемию можно определить как отношение взаимоисключения или отрицания этих значений. В случае высказывания (1) значение предложения аффирмативно («Я верю тебе»), а значение говорящего (т.е. его семантическая интенция) — негативно («Я не верю тебе»). Тем самым мы имеем дело с контрадикторным отношением между первым значением и вторым.

К области синтаксической энантиосемии относится ирония, которая, по определению Эдгара Лаппа (Lapp 1992: 143), заключается в симуляции, т.е. в намеренной передаче ложной информации с установкой, что получатель интерпретирует ее в противоположном смысле. Особенность иронии состоит в том, что в речевом акте одновременно реализуются два семантических плана: аффирмативный и негативный — в этом смысле ирония относится к области парасемии (см. Киклевич 2007: 124 и сл.).

Так, в ситуации, когда идет проливной дождь, а один из присутствующих собирается на прогулку без зонта и в легкой одежде, звучит ироничная фраза:

(3) Оделся по погоде!

Ирония состоит в семантической несовместимости того, что говорящий произносит (*Оделся по погоде*), и того, что он имеет виду (*Оделся не по погоде*). В устной речи иронические высказывания распознаются на основе контекста и интонации³, а в письменном тексте на непрямой смысл высказывания могут указывать кавычки (см. Siennicka 2016: 80), ср. (пример из НКРЯ):

(4) А закончился ее «благородный поступок» безразлично кинутой фразой «Тьфу, деревня!» и выбитой ногой дверью.

В приведенном высказывании кавычки указывают на то, что на самом деле поступок был неблагородным. Кавычки же регулируют интонационное оформление высказывания при его прочтении вслух или про себя: они иницируют специфический мелодический контур, который как бы звучит в сознании реципиента, читающего текст глазами.

Иронические высказывания обладают определенной прагматической функцией. Во-первых, они реализуют оценочную (или в более широком плане — интерпретирующую) интенцию говорящего и преимущественно употребляются в речевых актах порицания (Utsumi 2000; Garmendia 2010; Karogianni 2016; Dynel 2018; Jobert, Sorlin 2018). Например, в разгаре спора один из участников выражает категорическое мнение. Его собеседник отвечает:

(5) Ты, конечно, умнее всех. А все остальные — дураки.

Говорящий не цитирует своего собеседника непосредственно — он представляет квинтэссенцию высказывания и, шире, речевого поведения партнера в обобщенной и радикальной форме, выражая свое несогласие:

---

³ К сожалению, в рамках короткой статьи у нас нет возможности подробно описать интонационные контуры и другие просодические характеристики приводимых в качестве примеров конструкций.

(6) = Ты говоришь так, как будто бы ты считал, что ты умнее всех, а все остальные — дураки.

Это не так; ты не умнее всех и все остальные — не дураки.

Это нехорошо, неправильно, что ты так считаешь и так говоришь.

Во-вторых, иронические высказывания, как правило, выполняют экспрессивную функцию (см. раздел 2), а одним из видов экспрессии является выражение смехового или игрового настроения говорящего, вызванного несоответствием между языковым и речевым содержанием высказывания⁴. Так, в фильме *Кавказская пленница, или новые приключения Шурика* есть диалог:

(7) Шурик: — Так вот что я вам скажу. Саахов и украл эту девушку.

Главврач: — Правильно, украл. И в землю закопал, и надпись написал.

Главврач высмеивает Шурика, представляя его реплику как часть известной присказки *У попа была собака...*⁵

Кроме высказываний, заключающих иронию (в частности, ироническую оценку), имеется довольно много случаев синтаксической энантиосемии, которые реализуют другие прагматические функции. Так, рассмотренное ранее высказывание (1) представляет собой форму реализации несогласия или отказа: говорящий отказывается верить тому, что сообщает его собеседник. В качестве другого примера рассмотрим реплику из диалога в рассказе Василия Шукшина (пример из работы: Меликян 2017: 132):

(8) [— Ничего, говорят, ты не понимаешь, старый хрен.] А они понимают!

Второе высказывание имеет иронический характер: аффирмативному значению предложения ('Они понимают') соответству-

⁴ Это можно представить и как противоречие между языковым выражением и соответствующим положением дел в действительности, о чем пишет Борис Ю. Норман (2006: 13).

⁵ У попа была собака, он её любил,
Она съела кусок мяса, он её убил,
В землю закопал,
Надпись написал:
«У попа была собака, он её любил,
Она съела кусок мяса, он её убил,
В землю закопал,
Надпись написал»...

ет негативная семантическая интенция говорящего ('Они не понимают'). Оценка прямо не выражена, но с учетом контекста (а в устной речи также с учетом интонации) можно предположить, что в данном речевом акте реализуется ее отрицательное значение:

(6) А они понимают!

= Они говорят так, как будто бы они считают, что они (все) понимают.

Это не так — они не все понимают.

Это плохо, неправильно, что они так считают.

(16) То, что они так говорят и так считают, вызывает мое возмущение.

Синтаксическая энантиосемия исследуется в ряде публикаций. Так, упомянутая ранее Колесникова (2020: 177; 2022: 74) пишет о внутренней энантиосемии как характеристике синтаксических конструкций, которые допускают две противоположные интерпретации. Семантическую амбивалентность таких конструкций Колесникова усматривает в том, что план лексического содержания и план грамматического выражения не соответствуют друг другу.

Энантиосемичные высказывания описываются также в серии публикаций Вадима Ю. Меликяна (2013; 2017; 2023), который различает 1) неспециализированные (симметричные) формы выражения каждого из противоположных значений (как это наблюдается в случае иронии); 2) специализированные (несимметричные) формы, выражающие «строго определенное эмоциональное состояние или отношение говорящего к чему-либо, варьируемое лишь в ограниченных пределах, связанных с выражением близких эмоциональных реакций» (2013: 339). Существуют специализирующие грамматические и лексические средства, среди которых Меликян упоминает сослагательное наклонение и будущее время глаголов, вопросительные конструкции, порядок слов, лексические модификаторы (например, частицы или союзы) и к которым обязательно следует причислить также фразовую интонацию⁶. Следует добавить, что на синтаксическую энантиосемию может указывать также семантическое содержание высказывания, т.е. характер описываемой ситуации. Это наблюдается в случае контрфактических (или нереалистических) высказываний типа:

⁶ В устной речи могут употребляться мимико-кинестические сигналы иронии, например, поднятие или опускание бровей, взгляд в сторону, моргание, подмигивание и др. (см. Bromberek-Dyzman 2011: 8).

(10) Нашли девочку на побегушках!

Хотя в приведенном высказывании не употреблены специальные модификаторы, само его семантическое содержание ('Девочка используется на побегушках') не соответствует некоторым социальным нормам и способствует переосмыслению высказывания как на семантическом, так и на прагматическом уровне: фактически мы имеем дело с речевым актом несогласия или отказа: 'Я отказываюсь выполнять эту просьбу | это поручение, так как я не считаю себя девочкой на побегушках; Я не позволю использовать себя в качестве девочки на побегушках'.

Специализация может носить более или менее выраженный характер: кроме максимально специализированных конструкций⁷ имеются и такие, которые в большей степени требуют учета речевого контекста. В качестве примеров Меликян рассматривает предложения из художественной прозы:

(11) [– Ты хоть узнай сперва, что тут было-то!] — А то я не знаю вас!

(12) — Буду я там из-за каких-то стульев ездить!

Значение первого предложения можно представить приблизительно так: 'Я вас хорошо знаю, поэтому я не могу вам верить или полагаться на то, что вы говорите (предлагаете, обещаете и т.д.)'. Специализация высказывания обусловлена употреблением союза *а то*, фиксированным порядком слов, а в устной речи — также фразовой интонацией. Высказывание представляет собой одну из реализаций фразеосхемы $\langle A \text{ то я не} + V_{\text{ind}+1+\text{sg}} + N_{\text{acc}} | \text{Pron}_{\text{acc}} | S \rangle$, содержащей «утверждение факта, который формально отрицается, в сочетании с удивлением и другими эмоциями» (Меликян, Вакуленко 2015: 59). Эта фразеосхема реализуется также в других высказываниях, значение которых варьируется (примеры из интернета):

(13) [Не болтай языком, этого ты никогда в жизни не сделаешь,] а то я тебя не знаю.

(14) [Европа начала изымать собственность РФ.] А то мы не знали.

(15) А то я не вижу, как ты, каждые пять секунд в экран смотришь.

⁷ Специализированные конструкции построены на базе фразеосхем: «Структурная целостность фразеосхемы выражается в невозможности опущения одного из обязательных компонентов, а смысловая — наличием целостного фразеосинтаксического значения» (Вакуленко 2013: 141).

(16) А то я не слышу, как мечешься да стонешь во сне.

Следует отметить, что построенные по данной синтаксической модели высказывания имеют разные значения⁸, в том числе могут употребляться и в прямом значении, ср.:

(17) [Подскажите, как отрегулировать клапан,] а то я не знаю, как это сделать.

Тем самым специализация фразеосхемы в действительности является относительной. Прямое или производное значение высказывания прежде всего зависит от фразовой интонации и контекста.

Высказывание (12), по мнению Меликяна, является потенциально специализированным. Оно также основано на фразеосхеме $\langle V_{\text{futur}} + N_{\text{nom}} \dots \rangle$, в которой за производное значение отвечает порядок слов, и, конечно же, фразовая интонация. Модификаторы *там* и *из-за каких-то* дополнительно указывают на отрицательную семантику высказывания, но их наличие не обязательно, на что указывают следующие примеры:

(18) [— Ты с ума сошел!] Буду я швыряться Бобровым! (Ирина Грекова).
= Я не буду швыряться Бобровым.

(19) — Буду я вам отчитываться, — [обрубала на корню светскую беседу Ба]
(Наринэ Абгарян).
= Я не буду вам отчитываться.

Что касается неспецифицированных энантиосемичных высказываний, они, как пишет Меликян (2017: 132), лишены указывающих на производное значение формальных показателей (структурных, морфологических или лексических); в этом случае семантическая и прагматическая интерпретация высказывания определяется контекстом (см. также: Bromberek-Dyzman 2011: 8). К сожалению, Меликян не упоминает огромной роли, которую в этой области играет просодия. Например, фразеосхема со значением ироничного отрицания $\langle \text{Нашёл} \mid \text{нашла} \mid \text{нашли} + N_{\text{acc}}! \rangle$, которая реализуется, например, в высказываниях:

(20) Нашли няньку!

⁸ В Репозитории конструкций приводятся шесть различных значений данной фразеосхемы (Pavlova 2024).

- (21) Нашла преступника!
 (22) [Тоже мне] нашел мастера!

отличается от обычного информативного высказывания (о том, что кого-либо или что-либо нашли) только интонацией, а именно сильным фразовым ударением на глаголе *найти* и особым мелодическим контуром (подробнее см. Павлова, Светозарова 2017: 464 и сл.).

Степень противоречия между первичным и вторичным смыслом высказывания может варьироваться. Наиболее типичными примерами синтаксической энантиосемии являются конструкции, один их лексических элементов которых переосмысливается в форме своего антонима: *хорош* > *не хорош*, *много* > *ничего*, *надо* > *не надо* и т.д.

- (23) Хорош сыщик!
 = X является плохим сыщиком, не годится в сыщики.
 Хорош помощник!
 <*Хорош* + N!>
 (24) Много ты работаешь!
 = Не работаешь много.
 Много ты понимаешь!
 <*много* + N + V!>
 (25) Собаки нам только не хватало!
 = Нам не нужна собака, нам хватает дел и хлопот без собаки.
 <N_{gen} + *нам только не хватало!*>:
 (26) И надо было ему вмешиваться!
 = Ему не надо было вмешиваться.
 <*и надо было (кому-л.)* + V_{inf}!>:
 (27) Поговори мне ещё!
 = Ты не имеешь права, не можешь говорить, возражать.
 <V_{imper} + *мне (тут | ещё)!*>
 (28) Попробуй только засмеяться!
 = Не смей смеяться! | Ты не должен смеяться.
 <*попробуй только* + V_{inf}!>
 (29) Поспал, называется!
 = Плохо, мало спал.
 Погуляли, называется!
 <V_{praet} + *называется*>

В других случаях противоречие носит менее радикальный характер. Примером могут быть выражения:

- (30) Поговорили!
 Попили чаю!

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЭНАНТИОСЕМИЯ...

Ничего себе встретились!
<(Ничего себе) + V_{ptact+3+pl} (+ N)>

Говорящий не имеет в виду, что разговор не состоялся или чаепития не было (такое толкование было бы полностью антонимическим) — он сообщает о несоответствии между ожидаемым положительным эффектом ситуации и реальным негативным эффектом. Например, первое из приведенных выше высказываний означает, что разговор, вопреки ожиданиям, не был приятным и вызвал разочарование. К этой же группе можно причислить повторы чужих слов в функции передразнивания и выражение насмешки или недоверия:

(31) Спешит она!
= Я не считаю, что она спешит; меня раздражает, что она спешит.
<V + он | она | они!>

Энантисемичные высказывания следует отличать от самофальсифицированных, о которых пишет Алексей Д. Шмелев (1990: 89 и сл.). Энантисемия состоит в противоположности альтернативных семантических интерпретаций одного и того же знака, тогда как самофальсифицированные высказывания заключают противоречие между отдельными частями, как, например, в высказывании:

(32) Я не буду говорить о том, как в жизни всё не просто.

В русском речевом узусе некоторые из таких выражений имеют устойчивый характер, ср. фразеосхемы <надо | стоит ли говорить о + N_{loc}> и <о N_{loc} + я (уже) не говорю | молчу>.

2. ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИМПЛИКАЦИЯ

Как уже указывалось во Введении, энантисемичные высказывания представляют собой результат нарушения одного из принципов коммуникативной кооперации, а именно первого требования категории качества «Не говори того, что ты считаешь ложным». В соответствии с теорией Герберта Пола Грайса (1985: 227) в подобных случаях (при условии, что говорящий, нарушая одно из правил, в целом следует принципу кооперации) возникают

прагматические (или, другими словами, коммуникативные) импликации. Грайс (1985: 230) пишет, что одним из следствий нарушения первого правила категории качества является ирония. Можно, однако, усомниться в том, что прагматическая цель этого приема состоит в том, что, как пишет Грайс, говорящий «пытается выразить некоторую пропозицию, отличную от той, которую он, казалось бы, высказывает». В статье (Киклевич 2022: 147) обращается внимание на то, что принцип кооперации не объясняет целесообразности нарушения коммуникативных правил: «Если говорящий сотрудничает с адресатом, нельзя понять, почему или зачем он, имея в виду *q*, произносит *p*». Указание на иронию, метафору или гиперболу не объясняет прагматическую сущность импликации, так как «семантическая модификация не является конечной прагматической целью речевого акта — она служит для реализации дополнительных целей или вытекает из обстоятельств речевой деятельности» (там же).

Энантисемичные высказывания, как представляется, реализуют два типа прагматических импликаций. Первый состоит в том, что паралогическая конструкция указывает или на отсутствие когнитивного контроля (тогда мы имеем дело с семантической ошибкой, см. Сладкевич 2015: 295), или на аффективное эмоциональное состояние говорящего, в связи с чем исследователи пишут об экспрессивной функции таких сообщений (см. Острикова 2013: 162; Сковородников 2014: 42). По утверждению Меликяна, «высказывания с асимметрией формы и содержания всегда экспрессивны» (2013: 340). В связи с этим сравним два выражения:

(33) Держи карман шире.

(34) Не надейся, что я сделаю то, о чем ты просишь.

В то время как в высказывании (34) отказ выражен явно и без какой-либо экспрессии, высказывание (33) реализует прагматическую функцию отказа иносказательно — посредством энантисемии. Наряду с отказом это высказывание выражает эмоцию раздражения, а также свидетельствует о грубости говорящего. Тем самым оно реализует не только намерение выразить отказ, но и — дополнительно — намерение выразить раздражение. Если эта вторая информация не является намеренной, мы имеем дело с симптоматическим речевым актом: языковая (некомпозицио-

нальная) форма высказывания указывает на аффективное эмоциональное состояние говорящего (подробнее о симптоматических речевых актах см.: Киклевич 2022: 155 и сл.).

Второй тип прагматических импликаций связан с категорией вежливости. С этой точки зрения энантиосемичные высказывания также не представляются однозначными. С одной стороны, как некомпозиционные формы выражения речевых актов такие высказывания указывают на неформальный контакт между собеседниками — неслучайно большинство из них характерно для разговорной речи. С другой стороны, речевые акты этого типа можно считать предохранительными: говорящий стремится предостеречь себя от потенциального риска, и прежде всего от негативной реакции получателя. Хотя прямая форма высказывания представляет коммуникативную интенцию говорящего непосредственно⁹, именно в этом говорящий не заинтересован, так как прямой отказ, прямое несогласие или прямое порицание могут грозить конфликтом или разрывом отношений. Именно поэтому из двух семантически разнозначных коммуникативных форм:

(35) Очень нужно!

(36) Я не сделаю того, о чем ты просишь.

говорящий, как показывает практика, выбирает первую форму, которая, несмотря на свой экспрессивный характер, дает ему возможность сохранить отношения с собеседником на том же уровне — частных контактов. Подобная коммуникативная установка реализуется в случае иронии, которая, как отмечается в литературе (Bromberek-Dyzman 2011: 9), может употребляться как форма подчеркивания вежливости.

Импликация в речевых актах этого типа может также иметь криптосемантический и магический характер. Так, Людмила Ю. Зорина (2019: 574) пишет об энантиосемичных благопожеланиях в русских севернорусских диалектах: формально они заключают в себе пожелание чего-либо плохого, а фактически — реализуют положительную интенцию говорящего, например, пожелание обильного урожая. Такой же характер имеет фразеологическое выражение

⁹ При этом выполняется требование иллокутивной транспарентности (об этом понятии см.: Petrič 2006: 104).

(37) Ни пуха, ни пера.

Его речевое значение обратно дословному, а прагматическая функция состоит в пожелании кому-либо удачи. На образовательном портале Грамота.ру¹⁰ можно прочесть, что это выражение первоначально употреблялось как напутствие отправляющихся на охоту и как заклинание, призванное обмануть нечистую силу. Считалось, что прямым пожеланием удачи можно было «сглазить» добычу¹¹. В польской разговорной речи в подобных ситуациях употребляется выражение

(38) *Polamania nóg!*¹²

Хотя дословно оно означает пожелание, чтобы адресат сломал себе ноги, но его функция в речи — пожелание удачи перед экзаменом, соревнованием, конкурсом и т.д.¹³

3. ЭНАНТИОСЕМИЯ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Несоответствие между значением предложения и значением говорящего отражается в прагматической функции высказывания. В большинстве случаев специальный иллокутивный показатель в составе высказывания отсутствует, в связи с чем его прагматическая функция базируется на семантическом содержании. Поскольку же семантическое содержание не соответствует языковой форме высказывания, прагматическая функция отрывается от его языковой формы — становится условной, зависимой от узуса. Тем самым в случае синтаксической энантиосемии мы имеем дело с косвенными речевыми актами. По определению Вадима В. Дементьева (2006: 198), «косвенным речевым актом признается любое высказывание, если есть расхождение между формой высказывания и его иллокутивной функцией».

¹⁰ <https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/spravochnik-po-frazeologii/ni-pukha-ni-pera>

¹¹ Существует вариант этого пожелания, адресуемого водителям: *Ни звезда, ни жезла!*

¹² Существуют также другие варианты этого выражения, например: *Polamania piór (i długopisów)!* — как пожелание удачи во время выпускного экзамена.

¹³ В немецком языке имеется подобное выражение *Hals- und Beinbruch!*

Некоторая часть таких высказываний имеет устойчивый или (когда они образованы на базе фразеосхем) репродуктивный характер (см. Вознесенская 2011: 760 и сл.). Примером может служить пословица

(39) Мышь не весела — обьелась киселя.

В соответствии с ее грамматической формой и лексическим составом это — ассертивный речевой акт, описывающий парадоксальную ситуацию: мышь выражает недовольство несмотря на то, что живет в достатке. Речевая прагматическая функция этого высказывания другая: она заключается в порицании человека, который вечно недоволен, даже в ситуациях, когда все его условия выполнены.

Далее мы рассмотрим образованные на базе фразеосхем энантиосемичные синтаксические конструкции с точки зрения типа модификации их прагматической функции.

3.1. МОДИФИКАЦИИ АССЕРТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

К этому типу относится большинство энантиосемичных конструкций. Модификация ассертивной прагматической функции (ПФ) может иметь более или менее радикальный характер: в одних случаях высказывание сохраняет функцию ассертивного речевого акта, к которой добавляются модальные и оценочные значения; в других случаях ассертивное по форме высказывание выражает функцию несогласия, отказа, запрета и т.п. Большинство таких высказываний указывает также на аффективное эмоциональное состояние говорящего — раздражение. С точки зрения вторичной прагматической функции можно выделить несколько типов энантиосемичных конструкций.

ПФ²¹⁴ = выражение опасения

(40) Чего доброго, [возьмет и откажет.]
 = Я выражаю опасение, что он может отказать.
 [Обманете меня,] чего доброго.
 Чего доброго, [дождь пойдет.]¹⁵

¹⁴ Символ «ПФ²» означает употребление высказывания во вторичной прагматической функции.

¹⁵ В прямом (аффирмативном) значении это выражение употребляется очень редко и только как именная группа в составе предложения, например: *Ду-мала, она чего доброго скажет* (Анна Русских).

ПФ2 = выражение сожаления, досады

- (41) Этого мне только не хватало!
 = Досадно, что это случилось | что это может случиться.
 Грозы нам только не хватало!
 [Не сиди под окном:] простудиться тебе только не хватало.
- (42) И надо же было такому случиться!
 = Жаль, что такое случилось¹⁶.
 Это надо же было так напиться!
 И надо мне было проговориться!
- (43) Всю жизнь об этом мечтал! [Чтобы мне по русскому двойку поставили.]
 = Я сожалею, что это случилось (что по русскому мне поставили двойку).

ПФ2 = порицание, упрек (+ насмешка)

- (44) [Сейчас я позвал нашу новую служанку: «Наталья Андреевна, дайте мне, пожалуйста, хлеба!» Она обиделась:] «Как благородно!» (Корней Чуковский).
 = Я считаю, что ваш поступок неблагородный; нехорошо, что вы поступаете таким образом; мне обидно, что вы поступаете таким образом.
- (45) Молодец! [Обманивай и дальше народ.]
 = Твой поступок заслуживает порицания; я говорю о тебе «Молодец!», чтобы все другие улыбнулись, понимая, что это не соответствует действительности.
 [– Сиди уж!] Герой! [У самого небось душа в пятки ушла] (Василий Шукшин).
 Тоже мне рыцарь!
- (46) Вот уж помог, так помог!
 = Плохо, досадно, что, желая помочь, не сделал ничего хорошего, всё испортил.
 Подсказал так подсказал, ничего не скажешь!
- (47) Вот уж порадовали так порадовали!
 Тоже мне друг.
 = Настоящие друзья так не поступают; упрекаю тебя в том, что ты так поступил.
 Тоже мне помощник.
 Тоже мне товарищ.

ПФ2 = несогласие

- (48) Много ты знаешь!
 = Я считаю, что ты не знаешь достаточно много, чтобы говорить то, что ты говоришь; нехорошо, что ты говоришь, не имея оснований.
 Много ты понимаешь!
 ного ты разбираешься в алкоголиках!
- (49) Видали мы таких ученых!

¹⁶ Данное высказывание может также выражать удивление, ср.: *Эта история приключилась в Три-третьем царстве-государстве, где жили две сердечные подружки Дарья и Дуся. И надо же было такому случиться, что обе они влюбились в одного парня.*

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЭНАНТИОСЕМИЯ...

- = Я не согласен, не верю, что *x* — ученый.
Видали мы таких правдолюбков!
Видал я таких экспертов!
- (50) Тоже мне адвокат!
= Я не согласен, что ты являешься (хорошим) адвокатом.
Тоже мне достопримечательность!
Тоже мне сыщик!
- (51) Было бы о чём говорить!
= Я не согласен, что это — серьезная тема для разговора.
Есть о ком жалеть!
Было бы с кем спорить!

ПФ2 = отказ

- (52) Разбежалась!
= Я отказываюсь сделать это.
Спешу и падаю!
Бегу и спотыкаюсь.
Только шнурки подтяну.
Была охота!
- (53) Охота мне унижаться.
= Я не хочу, я отказываюсь унижаться.
хотя мне получать за него замечания.
Охота мне тащиться.

ПФ2 = выражение скепсиса, недоверия (+ порицание)

- (54) [– Я тебе помогу.] — Поможешь, как же.
= Не верю, что ты мне поможешь, плохо, что ты мне не поможешь.
Сделаешь, как же!
Угадаю я, как же.

Здесь представлены наиболее общие и регулярные типы вторичного употребления энантиосемичных утвердительных высказываний, что не исключает возможности их более детальной классификации. Важно отметить, что во всех случаях в содержании прагматической функции высказывания присутствует отрицательный элемент: порицание, несогласие, отклонение, отказ и т.п.

3.2. МОДИФИКАЦИИ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Вопросительные высказывания характеризуются широким спектром вторичного употребления. Своего рода энантиосемию можно усматривать в том, что между вопросом (как первичной

прагматической функцией высказывания) и утверждением (как его вторичной функцией) существует принципиальное противоречие: вопрос предполагает знание адресата и незнание или неуверенность говорящего, а утверждение, наоборот, знание говорящего и незнание адресата (Kiklewicz 2021: 304 и сл.). Противоречие можно также усматривать между ассертивной семантикой высказывания и семантической пресуппозицией. Так, высказывания типа

- (55) А кто мешал тебе пойти домой?
 = Я считаю, что никто не мешал тебе пойти домой; плохо, что ты не пошел домой.
 А что мешало упомянуть источник?
 А что тебе мешало поднять всех своих ребят из класса на ее защиту?

реализует ассертивный речевой акт ('Я считаю, что никто не мешал тебе пойти домой'), хотя их грамматическая форма и лексический состав указывают на пресуппозицию 'Кто-то мешал тебе пойти домой'. К этой группе относятся также другие конструкции:

- (56) Неужели нельзя было сделать это в какой-то другой день?
 = Я считаю, что можно было сделать в другой день.
 Неужели нельзя было сразу сказать.
 Неужели нельзя было предупредить.
 (57) Где я только не был!
 = Сообщаю, что я был во многих местах.
 С кем я только не встречался!
 Куда я только не обращался!

Большинство косвенных речевых актов этого типа имеет реактивный характер, т.е. представляет собой реплику в диалоге, например:

- (58) – Мой путь был тернист, я шел по камням и пескам. [...] Прошел все дороги, но счастья так и не узнал.
 — А кто помешал тебе счастье в дороге найти?¹⁷

В связи с этим их содержание часто имеет интерпретирующий, в частности, оценочный характер: к основному, ассертивному, значению иллокутивной функции добавляется значение порицания, возражения, предупреждения, угрозы, запрета и др.

¹⁷ <https://minamoto-ru.livejournal.com/> (10.11.2024).

- (59) Кто ты такой, чтобы меня учить?
= Плохо, что ты меня учишь; ты не имеешь права меня учить.
Да кто она такая, чтобы отпускать сотрудников!
Кто ты такой, чтобы давать нам указания?
Да куда уж мне, глупому, до тебя!
- (60) = Плохо, что ты считаешь меня глупым; в действительности я не являюсь глупым.
- (61) Обязательно было перебивать?
= Я считаю, что перебивать было не обязательно; плохо, что ты перебил.
Обязательно было тащить с собой козу?
Обязательно было всё испортить?
- (62) Так-то ты меня слушаешь?
= Я вижу, что ты меня не слушаешь; плохо, что ты меня не слушаешь.
Так-то ты выполняешь данное тебе поручение?
Так-то ты учишься?
— Настя! — Какая я тебе Настя?
- (63) = У тебя нет оснований называть меня Настей; плохо, что ты называешь меня Настей.
На гауптвахту захотели?
- (64) = Перестаньте делать то, что вы делаете, иначе вас посадят на гауптвахту.
Ремень захотел?
Хорошую взбучку захотел?

В высказываниях последнего типа противоречие состоит в том, что форма вопроса предполагает пресуппозицию 'Возможно, *x* захотел на гауптвахту', хотя в действительности говорящий так не считает — скорее, наоборот, он уверен, что *x* не хочет оказаться на гауптвахте.

3.3. МОДИФИКАЦИИ ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Некоторые директивные по форме речевые акты употребляются некомпозиционно. В качестве примера можно привести известный анекдот:

- (65) Разговор ночью в спальне:
— Сара, а ты дверь на нижний замок закрыла?
— Закрыла.
— А на верхний?
— Закрыла.
— А на большой, сейфовый?
— Да, и на него закрыла.
— А на щеколду?
— Да.
— А на задвижку?

- Тоже.
- А на крючок?
- Закрыла.
- А на цепочку?
- И на цепочку.
- А шкаф придвинула?
- Придвинула. Хаим, я таки не понимаю, мы уже сегодня будем спать или мы не будем спать?
- А табуреткой подперла?
- Ой вэй! Про табуретку забыла.
- Ну вот, как всегда! Приходи кто хошь, бери что хошь...

Последняя реплика имеет форму позитивного речевого акта, а именно приглашения или разрешения, хотя в действительности говорящий выражает опасение и сожаление, т.е. речевой акт негативного типа. Подобное противоречие наблюдается также в случае конструкций, образованных по фразеосхемам:

- (66) Пусть только попробует пялить на нее глаза.
 = Запрещаю ему пялить на нее глаза.
 Только попробуй возьми хоть один рубль.
 Только попробуй пикнуть.
- (67) А ты ори громче!
 = Это плохо, что ты громко орешь; я советую тебе говорить тише и меньше возмущаться.
 А ты опаздывай чаще!
 Шатайся больше невесть где!
- (68) Поговори, поговори тут¹⁸.
 = Я запрещаю тебе говорить.
 Пospopь, пospopь со мной!
 Только подумай сказать об этом матери!

Существуют конструкции, которые формально выражают совет, хотя в действительности реализуют обратную прагматическую функцию — порицание, предостережение, запрет. Так, в ситуации, когда сотрудница пришла на работу вместе со своей собакой, собеседница делает ей замечание:

- (69) Ты бы ещё корову сюда привела!
 = Плохо, что ты привела с собой собаку; не советую тебе делать это.

¹⁸ Валентина Ю. Апресян (2003: 33) пишет, что в таких высказываниях реализуется имплицитная агрессия.

В другой ситуации говорящий, наталкиваясь на недружелюбное отношение собеседника или другие негативные обстоятельства, обещает себе или дает зарок в форме энантиосемичной конструкции, которая буквально означает позитивное по своему содержанию пожелание:

- (70) Да чтобы я к вам ещё раз обратилась!
= Обещаю, что я к вам больше никогда не обращусь.

* * *

Приведенный список конструкций далеко не полный. Нам было важно показать, что противоречие на семантическом уровне отражается на прагматической функции высказывания и что многие косвенные речевые акты данного типа имеют регулярный характер — реализуются на базе синтаксических схем, т.е. представляют собой важный элемент языковой компетенции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье было показано, что в русской разговорной речи широко представлены энантиосемичные высказывания, речевое содержание которых противоположно тому смыслу, который закодирован в их языковой форме. Исследование таких высказываний в прагматическом аспекте показало, что их семантическое переосмысление отражается на прагматической функции: во всех подобных случаях мы имеем дело с косвенными речевыми актами. В зависимости от основной, манифестированной прагматической функции энантиосемичные высказывания реализуют разные иллокутивные характеристики, хотя некоторые из них повторяются. Так, ассертивные высказывания выражают опасение, сожаление, досаду, порицание, упрек, насмешку, несогласие, отказ, недоверие, скепсис, удивление. В форме вопросительных высказываний реализуются такие речевые акты, как сообщение, оценка, выражение мнения, возражение, предупреждение, угроза, запрет. Директивные (по форме) речевые акты служат для выражения запрета или отрицательной оценки. Большинство энантиосемичных высказываний включает в себе негативное содержание, т.е. представляет собой косвенную форму реализации речевого конфликта.

Нельзя не коснуться также статуса энантиосемичных высказываний на фоне общих закономерностей и предпосылок речевого поведения. Относительно регулярный характер таких высказываний в русской разговорной речи подтверждает утверждение Иосифа А. Стернина (2004: 37 и сл.), что для русской коммуникативной культуры характерны такие свойства, как возможность модификации поведения собеседника, дискуссионность общения, допустимость эмоционального спора. Среди этих свойств Стернин упоминает также бескомпромиссность, хотя косвенные энантиосемичные высказывания не соответствуют этой характеристике: они, скорее, указывают на поведение компромиссного типа. Стернин приводит в своей статье характерный для коммуникативного поведения русских пример замечания, которое делается знакомому или незнакомому человеку: *А почему вы...* (там же: 37). Обратим внимание, что форма этого замечания косвенная: директивный речевой акт *Сделайте так-то и так-то* или *Запрещаю делать то-то и то-то* реализуется в форме вопроса. Тем самым можно утверждать, что энантиосемичные речевые акты в определенной степени подчинены коммуникативному требованию вежливости. Говорящий, отдавая предпочтение выражениям типа *Много ты понимаешь!* перед выражениями типа *Ты ничего не понимаешь*, несмотря на кажущуюся невежливость своей реплики, избегает прямой конфронтации с собеседником, а разговорная форма реплики указывает на то, что говорящий, несмотря на отрицательную оценку собеседника или его поведения, остается в рамках разговорного регистра речи, а значит, и в пределах макроустановки на сотрудничество.

Некоторая амбивалентность свойственна таким речевым актам и с точки зрения выражаемых эмоций. С одной стороны, как уже отмечалось, речевая форма высказывания указывает на негативное эмоциональное состояние говорящего — сожаление или раздражение. С другой стороны, синтаксическая энантиосемия рассматривается некоторыми исследователями как вид языковой игры (см. Шацкая 2021: 60), ее также можно трактовать как вид карнавализации, которая, согласно Михаилу М. Бахтину (1990: 15), состоит в «отмене всех иерархических отношений» и «своеобразной логике обратности». Олег Лещак (Leszczak 2009: 169 и сл.) пишет о склонности к игровому стилю как общей характеристике речевого поведения восточных сла-

вян. Относительно высокую частотность энантиосемичных выражений в русской разговорной речи можно считать проявлением этого свойства.

REFERENCES

- Bromberek-Dyzman, Katarzyna. "Język emocji a język ironii w pragmatyce eksperymentalnej." *Studia z Kognitywistyki i Filozofii Umysłu*, 2011, nr 5 (1): 5–38.
- Bunčić, Daniel. "Enantiosemiya vnutriyazykovaya i mezh'yazykovaya kak problema komunikacii." *Słowa, słowa, słowa... w komunikacji językowej II*. Grabska, Marcelina (ed.). Gdańsk: Wydawnictwo UG, 2004: 207–212.
- Dynel, Marta. *Irony, deception and humour: Seeking the truth about overt and covert untruthfulness*. Berlin: Walter de Gruyter, 2018.
- Garmendia, Joana. "Irony is critical." *Pragmatics & Cognition*, 2010, vol. 18 (2): 397–421.
- Jobert, Manuel, Sorlin, Sandriene. *The pragmatics of irony and banter*. Amsterdam: John Benjamins, 2018.
- Kapogianni, Eleni. "The ironic operation: Revisiting the components of ironic meaning." *Journal of Pragmatics*, 2016, no. 91: 16–28.
- Kiklewicz, Aleksander. "Sprechen und wissen. Zum kognitivem Aspekt der Sprachhandlungen." *Die Welt der Slaven*, 2021, no. 66 (2): 300–319.
- Lapp, Edgar. *Linguistik der Ironie*. Tübingen: Narr-Verlag, 1992.
- Leszczak, Oleg. *Lingwosemiotyczna teoria doświadczenia. 2: Doświadczenie potoczne a językowy obraz świata*. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego, 2009.
- Pavlova, Anna. "'It is what it is': Phraseme Constructions Repository." *I fraseologismi schematici. Questioni descrittive e teoriche*. Casadei, Federica, Koesters, Gensini, Sabine, Elisabeth (eds.). Roma: Aracne, 2024: 197–214.
- Petrič, Teodor. "Vorschläge zur Erweiterung der slowenischen Variante der Natürlichkeitstheorie." *Linguistica*, 2006, no. 46 (1): 99–115.
- Siennicka, Adrianna. "Ironia jako narzędzie negatywnego wartościowania w języku polityki." *Acta Philologica*, 2016, no. 48: 59–86.
- Utsumi, Akira. "Verbal irony as implicit display of ironic environment: Distinguishing ironic utterances from non irony." *Journal of Pragmatics*, 2000, no. 32 (12): 1777–1806.
- Авдеева, Мария, Ярославцева, Елена, Гараева, Марина. "Лексическая энантиосемия как языковой аспект категории контрастности (на материале германских и славянских языковых групп)." *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2019, no. 12 (8): 226–232.
- Апресян, Валентина. "Имплицитная агрессия в языке." *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог»*. Селегей, Владимир (ed.). Москва: Изд-во РГГУ, 2020: 32–35.
- Бахтин, Михаил. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Москва: Искусство, 1990.

- Баранов, Анатолий Николаевич, Добровольский, Дмитрий Олегович. “Об одном классе фразеологизмов в русском языке (фразеологизмы-конструкции).” *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание*, 2023, no. 3: 130–139.
- Вакуленко, Диана. “Фразеосхема ‘А to + <Pron1 [N1]> + <ne> + V [N, Adj, Adv,...]!’ в системе русского языка.” *Научная мысль Кавказа*, 2013, no. 2: 138–142.
- Вознесенская, Мария. “Энантисемиа в русской фразеологии.” *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, 2011, no. 10 (17): 759–767.
- Генералов, Владимир. “Применение ‘векторного подхода’ в исследовании семантического субстрата синкретических лексем (на примере некоторых языков индоевропейской и семитской группы).” *Евразийское Научное Объединение*, 2019, no. 7–4 (53): 251–265.
- Грайс, Герберт. “Логика и речевое общение.” *Новое в зарубежной лингвистике. XVI: Лингвистическая прагматика*. Падучева, Елена (ed.). Москва: Прогресс, 1985: 217–237.
- Дементьев, Вадим Викторович. *Непрямая коммуникация*. Москва: Гнозис, 2006.
- Зорина, Людмила. “Риторические приемы организации севернорусских диалектных благопожеланий.” *Рябинские чтения. Материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера*. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019: 573–574.
- Ильин, Михаил. *Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий*. Москва: РОССПЭН, 1997.
- Киклевич, Александр. *Притяжение языка. 1: Семантика, лингвистика текста, коммуникативная лингвистика*. Olsztyn: CBEW, 2007.
- Киклевич, Александр. “Типология прагматических импликаций с точки зрения взаимодействия между прагматикой и семантикой.” *Russian Journal of Linguistics*, 2022, no. 26 (1): 139–161.
- Колесникова, Олеся. “Новый аспект немецких энантисемичных синтаксических конструкций с als ob.” *Гуманитарные и социальные науки*, 2020, no. 6: 172–179.
- Колесникова, Олеся. “Энантисемичные синтаксические конструкции с als würde в немецком языке.” *Vestnik NarFU. Linguistics*, 2022, vol. 2 (1): 73–79.
- Корина, Наталья, Павлова, Анна. “Фразеологизмы-конструкции, выражающие косвенную оценку.” *Svět v obrazech a ve frazeologii III*. Janovec, Ladislav (ed.). Praha: Univerzita Karlova, Pedagogická fakulta, 2024 (in print).
- Куликова, Элла. “Прагматическая энантисемиа социально-политических терминов и ее отражение в современных медиа.” *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*, 2022, no. 27 (3): 557–566.
- Литвинова, Елена. “Эмоционально-оценочная энантисемиа.” *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2012, no. 2 (13): 86–90.
- Меликян, Вадим. “Негопозитивные синтаксические конструкции с асимметричной противоположностью значений.” *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 2017, no. 4: 126–135.
- Меликян, Вадим. “Типы асимметричной энантисемии коммуникем со значением оценки.” *Язык. Текст. Дискурс*, 2013, no. 11: 337–346.
- Меликян, Вадим, Вакуленко, Диана. “Фразеосинтаксические схемы с опорным компонентом — союзом: язык и речь.” *Русский язык в школе*, 2015, no. 3: 58–64.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЭНАНТИОСЕМИЯ...

- Меликян, Вадим, Меликян, Анна. “Предпосылки, пути, способы и механизм грамматикализации синтаксических конструкций.” *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2023, no. 3: 85–105.
- Норман, Борис. *Игра на гранях языка*. Москва: Флинта, 2006.
- Новиков, Лев. *Избранные труды. 1: Проблемы языкового значения*. Москва: Издательство российского университета дружбы народов, 2001.
- Острикова, Галина. “Об экспрессивности энантиосемичных лексических фразеологизмов в немецком языке.” *Гуманитарные и социальные науки*, 2013, no. 4: 159–167.
- Павлова, Анна, Светозарова, Наталия. *Фразовое ударение в фонетическом, функциональном и семантическом аспектах*. Москва: Флинта, 2017.
- Серль, Джон. “Метафора.” *Теория метафоры*. Арутюнова, Нина, Журина, Марина (ed.). Москва: Прогресс, 1990: 307–341.
- Сковородников, Александр. “Паралогические приемы могут быть стилистической основой малоформатных вторичных (по М.М. Бахтину) речевых жанров.” *Русская речь*, 2004, no. 1: 39–45.
- Сладкевич, Жанна. “Алогизм как основа комизма в малых жанрах абсурдного дискурса.” *Пушкинские чтения*, 2015, no. XX: 290–298.
- Стернин, Иосиф. “Основные особенности русской коммуникативной культуры.” *Człowiek — świadomość — komunikacja — Internet*. Szypielewicz, Ludmiła (ed.). Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2004: 32–55.
- Федулова, Мария. “Феномен аксиологической энантиосемии в юридическом дискурсе (по материалам текстов судебной риторики).” *Филологические науки в МГИМО*, 2022, no. 8 (1): 44–55.
- Цивьян, Татьяна. “Об энантиосемии камня: неподвижность versus движение.” *Живой камень: От природы к культуре*. Цивьян, Татьяна (ed.). Москва: Институт мировой культуры МГУ, 2015: 100–110.
- Черникова, Наталья Владимировна, Ратчин, Сергей Сергеевич, Кузьмина, Анастасия Алексеевна. “К вопросу о статусе энантиосемии как лексико-семантическом явлении.” *Наука и образование*, 2024, no. 7 (1), <<http://opu-smgau.ru/index.php/see/article/view/6404/6468>>.
- Шацкая, Мария. “Прагматический эффект частичной энантиосемии в комическом контексте.” *Вестник НарФУ. Лингвистика*, 2021, no. 21 (5): 59–68.
- Шмелев, Алексей. “Парадокс самофальсификации.” *Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста*. Арутюнова, Нина (ed.). Москва: Наука, 1990: 83–93.
- Шмелев, Дмитрий. “Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке.” *Вопросы языкознания*, 1958, no. 6: 63–75.